

Славяноведение, 2024, № 2, с. 34–54

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 34–54

DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

Оригинальная статья / Original Article

О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках

© 2024 г. М.В. Дмитриев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
(Москва, Российская Федерация)

dmitrievm300@gmail.com

В данной научной работе использованы результаты проекта
«Конструирование идентичностей в средневековых культурах»,
выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2023 году

Аннотация. В статье-эссе предпринята попытка спроецировать проблематику современных *Grenzeforschungen* на решение вопроса о том, каковы были «западные» и «восточные» *идентитарные* и поэтому весьма долгосрочные (многовековые, цивилизационные, а не государственно-политические) границы «польского мира» в истории Центральной Европы. Поиск ответа на этот вопрос приводит к выводу, что в истории «польского мира» присутствовали две идентитарные границы. Первой и наиболее весомой подлинно идентитарной границей была граница, делившая (с середины XIV в.) культуру Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой на область доминирования «латинских» традиций и область господства византийско-православного наследия. Второй по значению и весу была граница между «первичным» Западом (в пределах которого оказались и Силезия, и Западное Поморье), представленным в «польском мире» (с XII–XIII вв.) германской, «первичной» европейской культурой, и «вторичным» Западом, представленным институтами земель Польского королевства, постепенно приобщавшимися в XIV–XVI вв. к цивилизационному опыту «первичной» Европы, но вступившими в XVII–XVIII вв. на очень особый, «девиантный» путь развития.

Ключевые слова: «польский мир», Польское королевство, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Силезия, Западное Поморье, Русь, идентитарные границы, «первичная» и «вторичная» Европа.

Ссылка для цитирования: Дмитриев М.В. О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках // Славяноведение. 2024. № 2. С. 34–54. DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

On the Western and Eastern Frontiers of the «Polish World»
and on the Polish Identity in the 13th–19th Centuries

© 2024. Mikhail V. Dmitriev

Lomonosov Moscow State University;
Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

dmitrievm300@gmail.com

The results of the project “Constructing identities in the medieval cultures”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

Abstract. This article-essay tries to project problems of the current *Grenzforschungen* on the issue of «western» and «eastern» identity frontiers (*id est* multisecular, civilizational and not political frontiers) of the «Polish world» in history of Central Europe. Looking for answer, we are brought to conclude, that two identity frontiers were present in history of the «Polish world». The first and the most weighty truly identitarian frontier was that, which divided (since 14th century on) culture of the Polish kingdom, Great duchy of Lithuania and *Rzeczpospolita* into realms in which either «Latin» or Byzantine-Orthodox traditions were dominating. The second (as to its importance and weight) was borderline between the «primary» West (Silesia and Western Pomerania found themselves in its confines), which was embodied in this region of the «Polish world» (since 12th – 13th centuries) by German, «primary» European culture, and the «secondary» West, represented by institutes of the Polish kingdom, which gradually, over the span of the 14th – 16th were borrowing civilizational experience of the «primary» Europe, but embarked on (in the 16th – 18th centuries) a very peculiar, «deviant» line of evolution.

Keywords: «Polish world», Polish kingdom, *Rzeczpospolita*, Great duchy of Lithuania, Silesia, Western Pomerania, Ruthenia, identity frontiers, «primary» Europe, «secondary» Europe.

For citation: Mikhail V. Dmitriev. On the Western and Eastern Frontiers of the «Polish World» and on the Polish Identity in the 13th – 19th Centuries // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. № 2. P. 34–54. DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

Предмет настоящей статьи-эссе представлен в ее названии, но о границах какого типа идет речь? Понятие «граница» применяется в нашем академическом языке к физическому пространству, к культурным ареалам, к политической истории, к истории хозяйства и так далее. Вся «историческая география» — это отрасль знания (или «главным образом», или «прежде всего», или «в основном...») о границах. При этом наша историческая память, наше воображение и даже наша историческая наука тяготеют иногда к тому, чтобы не замечать «удельный вес» границ в прошлом некоторых регионов, а иногда, напротив, — видеть границы там, где их на самом деле нет. Ниже речь пойдет о проекции проблематики современных *Grenzforschungen* (см., например [Jaspert 2007]) на вопрос о том, каковы были именно идентитарные границы в истории Центральной и Восточной Европы — т.е. такие границы, которые отделяли и отличали социумы одного *tuna* от социумов другого *tuna*, например, кочевые от оседлых, христианские от нехристианских, византийские и византизированные от не византизированных¹, западноевропейские

¹ См. материалы недавнего форума, проведенного в Санкт-Петербургском университете: [Византия после Византии 2022].

от центральноевропейских и восточноевропейских². Такие границы по определению весьма долговечны: это многовековые, цивилизационные, культурно-религиозные, а не государственно-политические границы и не границы самосознания тех или иных социумов. В нашем случае мы имеем дело с «польским миром» в истории Центральной и Восточной Европы.

Одной из часто игнорируемых идентитарных границ в истории данного пространства была, как кажется, граница между «первичной», «настоящей» средневековой Европой, и теми регионами, которые медленно вестернизировались (параллельно с христианизацией) в XI–XIV вв. Таким «вторичным» регионом Европы становились земли Польского королевства, начиная, видимо, лишь с IX/X–XI вв. (т.е. со времени Великой Моравии, христианизации и первых польских правителей), когда это только-только складывавшееся государство поставило под контроль и Силезию, и Западное Поморье, т.е. правители Пясты обложили данью и силезские, и западнопоморские территории. В XII–XIV вв. постепенно сложилась средневековая конфигурация границ — и политических, и культурных, и социальных, и религиозных. Среди этих границ были и интересующие нас *идентитарные* границы.

В этом контексте необходимо поставить (среди прочих) двоякий вопрос. Первая его сторона: какие идентитарные границы культур внутри Европы и вокруг территории, которую мы спонтанно называем Польшей (а можем назвать и польским миром), — подлинные, какие — мнимые? Иначе говоря, какие же из присутствующих в нашем сознании границ действительно «существовали», а какие только воображаются в исторической памяти? В данном случае речь идет о Центральной, Центрально-Восточной³ и Восточной Европе как исторических регионах, и нас интересует культурно-цивилизационная граница между польским миром Центральной (или Центрально-Восточной Европы) и остальным миром Европы к западу от Эльбы (можно сказать и так: миром «настоящего» Запада). Когда, в какие эпохи, и в каких именно измерениях эта типологическая граница между Польшей и «настоящим» Западом была весомым, детерминирующим явлением?

Вторая сторона того же вопроса — каковы были социальные, культурные, политические, даже экономические и экологические функции «дрейфа на восток» (начиная с XIV в.) *Regnum Polonorum*? Какие новые культурные границы и различия в идентичностях польского и «не-польского» миров

² Проблема трех регионов в истории Европы (Запада, Центральной Европы и «отстающей» Восточной или Центрально-Восточной Европы) была остро поставлена И. Бибо [Бибо 2004] и Е. Сючем [Szucs 1983]. О дискуссиях более позднего времени см.: [Центральная Европа 1996; Janowski, Iordachi, Trencseny 2005; Todorova 2005; Kieniewicz 2013]. См. также: [Центры и периферии 2014].

³ Вопрос о том, адекватно ли понятие «Центрально-Восточная Европа», в центре которой оказывается Польша, а Литва, Украина и Белоруссия выступают фактически как периферии польского мира, построено по аналогии с понятием германской историографии *Ost-Mittel Europa*, которое тоже исходило из логики «немецкий мир и его периферия», остается в высшей степени спорным. Тем не менее концепция «Центрально-Восточной Европа», в котором история Украины и Белоруссии систематически противопоставляется истории России, широко вошла в университетскую практику (особенно в Польше, Белоруссии, Литве и на Украине) после публикации люблинским Институтом Центрально-Восточной Европы соответствующего двухтомного труда [Historia Europy Środkowo-Wschodniej 2000] (есть переводы на русский, украинский, литовский, белорусский, французский). В декабре 2000 г. в Люблине была проведена международная конференция «Русские, немцы и евреи в истории Центрально-Восточной Европы», задуманная и как презентация только что вышедшей книги; приехавшие из Германии, Израиля и России историки дружно подвергли вежливой академической критике и книгу, и стоящую за ней концепцию, считая их по меньшей мере предвзятыми. Материалы конференции, вопреки первоначальным заявлениям и заверениям организаторов, не были опубликованы.

сформировало это смещение политической и церковно-политической границы католической Польши на территории будущих Литвы, Белоруссии, Украины и России? Или иначе: в чем можно увидеть и идентифицировать культурно-цивилизационные долгосрочные (т.е. именно структурные) последствия польского «дрейфа на Восток» после присоединения Галицкой Руси Казимиром Великим и сближения Польского королевства с Великим княжеством Литовским после 1385 г.?

Важно подчеркнуть: речь идет, конечно, не о физической географии, и даже не об экономической, социальной, политической, культурной истории в ее пересечении с именно физической географией. Это был бы сюжет для профессиональных географов. Речь идет о *цивилизационных* границах, которые именно *структурно* отличали один регион «географической» Центральной и Восточной Европы от другого.

Настоящая статья, конечно, не исследовательская в строгом смысле слова (да и тема непомерно велика...), это эссе в прямом значении данного слова, т.е. именно *попытка*, *ein Versuch* сформулировать некоторые наблюдения и сомнения. Она, как это чаще всего и бывает, — отклик на перемены в политической, общественной и в академической жизни нашей части Европы в последние тридцать лет.

Расширение Европейского союза после 1991 г. (понимаемое в западной и польской публицистике почему-то как расширение «идентитарной» Европы, а не только как экспансия Европейского союза — политического объединения ряда государств), породило необозримый поток публикаций о «европейской идентичности». Главный итог оказался, однако, неожиданным и даже печальным: нет критериев, которые позволяют прочертить в «реальной» истории границы Европы как особой цивилизационной зоны и, соответственно, сказать, что же такое особая «европейская» идентичность.

Правда, предлагается (большей частью в публицистике...) решение приравнять «Европу» к «Западу», а «Запад» понимать как наследника: а) греческого полиса; б) римского права; в) христианства. Однако пункт «в» из этой триады оказывается заведомой ловушкой: история христианства не есть история одного лишь Запада. Да и с римским правом дело не идет гладко. «Юстинианов кодекс», самый полный и самый совершенный свод римского права — это византийский опыт и основа византийской юридической культуры. Еще менее гладко дело обстоит с наследием греческого полиса. В самом ли деле так ясно видна связь между европейскими обществами Средневековья и Нового времени и древней Элладой?

В итоге выясняется, что Европа, «европейская» цивилизация, «европейские» границы не есть идентитарная «структура большой длительности»⁴ и, вообще, и то, и другое, и третье больше похожи на мифологию и, даже хуже, — на именно политизированную мифологию.

А какие же границы и различия между какими именно идентичностями в Европе, вокруг Европы, в Центральной и Восточной Европе не есть миф?

Предположительный ответ на этот очень большой вопрос содержится в конце статьи.

⁴ Имеется в виду понятие, введенное в научный оборот Фернаном Броделем (см.: [Бродель 1977]). В соответствующей традиции исследований под «структурами большой длительности» понимаются такие реалии в социальных связях, в культуре, религии, в политических институтах, в экономике и исторической экологии, которые эволюционируют чрезвычайно медленно и остаются почти неизменными на протяжении многих столетий. Понятие «цивилизационные традиции» может быть принято как эквивалент понятия «структуры большой длительности».

Западные границы «польского мира», X–XIX вв.

«Польша» как «место памяти»⁵ и нашей академической науки, и наших обществ — это территория, входившая в состав «державы» Мешко I и его сына Болеслава Храброго, т.е. территория, с которой дружина этих правителей собирала дань, а их административная, судебная, юридическая власть над этими землями есть, видимо, плод воображения, и не более того⁶. Поэтому наша память включает в состав Польши и Силезию, и не только Восточное, но и Западное Поморье. Про последнее хорошо известно, что уже в XI–XII вв. в военно-политическом и налогово-финансовом плане оно было оторвано от Польского государства. Оставалось Западное Поморье в Средние века частью «польского мира»? Трудно не согласиться, что утвердительный ответ был бы насилием над фактами⁷. Эта территория Восточной или Центральной Европы стала частью Польши в 1945 г., после 800–900 лет пребывания вне польской государственности и «польского мира». Сколь бы ни был велик вес славянского элемента в этом пространстве в Средневековье, его «польскость» (если не придавать чрезмерного и ничем не оправданного значения языку части населения и остаткам языческих верований и обрядов), конечно же, не более чем мифологический мотив нашей памяти.

Менее ясный случай — «реальная» культурная и цивилизационная граница между Западным («немецким») и Восточным («польским») Поморьем. Но сколько бы историки ни писали о связи Восточного Поморья (Королевской Пруссии с 1525 г.) с Польшей, польской культурой и «польскостью», квалифицировать, например, Гданьск (а уж тем более — Мальборк, Мариенбург) как «польский» город в период вплоть до 1945 г. было бы вряд ли справедливо.

История Силезии — менее простой и вполне релевантный материал для изучения проблемы западной границы «польского мира» в Средние века.

В XII–XIII вв. здесь существовал ряд уделов (княжеств) правителей из династии Пястов, в XIII в. Генрих Бородатый проводил политику собирания земель подобно Ивану Калите и его преемникам, но его сын Генрих Благочестивый погиб под Легницей в 1241 г., и после этого политические связи Силезии с Польшей быстро начали ослабевать. В годы борьбы Владислава Локетка за Краков и польскую корону (начало XIV в.), силезские князья

⁵ Представления о прошлом той или иной страны есть продукты дискурсов, на основании которых создаются «места исторической памяти». Память создается сначала специализированными группами образованных элит обществ (можно сказать: идеологами; «виртуозами памяти», сказал бы М. Вебер), затем созданные ими представления проникают в более широкие слои населения, взаимодействуя с индивидуальной памятью той или иной группы или того или иного человека. «Места памяти» тем или иным образом коррелируют с научными данными о прошлом [Ассман 2004; Савельева, Полетаев 2005; Эксле 2001; Le Goff 1988; Время, история, память 2007; Halbwachs 1980; Berkhofer 1995; Хаттон 2003; Рикер 2004]. Этот подход есть отклик на то, как понимается процесс академического, профессионального «конструирования» прошлого в проекте, осуществленном группой французских историков во главе с П. Нора [Les lieux de mémoire 1984–1992]; (по-русски см.: [Нора, Озуф, де Пюимеж, Винок 1999]); в этой книге см. особенно статью самого П. Нора: [Нора 1999].

⁶ Как параллель подходит опыт древнерусской «государственности» того же периода. См.: [Данилевский 2001].

⁷ Подробный очерк истории Западного Поморья и Силезии в период до 1795 г. дается в совсем не устаревшей академической «Истории Польши», изданной еще в 1950-е годы [Historia Polski 1957]. Большое внимание уделялось этим регионам и в последующих академических обзорах истории Польши («краковская» школа: [Wyrozumski 1979; Gierowski 1979a; Gierowski 1979b]; «познанская школа»: [Dzieje Polski 1977]; «варшавская школа»: [Zarys historii Polski 1980]). Синтетический взгляд на историю этих регионов (с учетом накопившейся историографии) был предложен и немецкими историками: [Schlesien 1993; Pommern 1999].

его не поддержали и присягнули Яну Люксембургскому, а Казимир Великий в 1330-е годы и вовсе отказался от борьбы за Силезию, хотя и предпринял позже несколько попыток включить некоторые силезские земли в свои владения. При Людовике Венгерском на этой политике был окончательно поставлен крест, а немецкий характер культуры силезских городов в XIV–XV вв. не вызывает сомнения (сельская местность долгое время оставалась польской по языку). В XV в. силезские князья участвовали в конфликтах Тевтонского ордена с Польшей то на одной, то на другой стороне, а «литовский» брак Ядвиги и политика Ягайло, как и борьба польской знати за сохранение унии с Литовским княжеством и нейтрализацию политики Витовта и элит Великого княжества сделали дистанцию между Краковом и Вроцлавом еще значительнее. Гуситская эпоха, казалось бы, дала несколько шансов на возвращение Силезии в орбиту Польской короны, но все они были потеряны. Силезия виделась польским правителям и их дворам как часть враждебной Чехии, а после захвата Силезии Матвеем Корвином (королем Венгрии, и Чехии) и смерти последнего (1490 г.) Силезия оказалась под номинальным контролем Ягеллонов (но не Польши) только потому, что Владислав Ягеллончик получил в том же 1490 г. венгерскую корону.

В годы войны Яна-Ольбрахта с Владиславом Ягеллончиком (1490–1492 гг.) и чуть позднее рассматривались проекты передачи тех или иных силезских земель польским королям в ответ на их отказ от прав на венгерскую корону, но при Сигизмунде Старом польский двор окончательно отвернулся от Силезии в пользу Литвы и восточных кресов. Тот факт, что некоторые мелкие силезские территории были связаны как лены с польскими правителями (часто вспоминают, что Ян-Казимир в 1650-е годы бежал в свое силезское владение, потому что Опольское и Рациборское княжество стали ленами польских королей в 1647 г. и оставались ими до 1666 г.), общую картину никак не меняет. По строгому счету, уже с XIV в. Силезия не имела никаких прочных политических связей с Польским или Польско-Литовским государством. С момента подчинения Галицкой Руси Казимиру Великому Польша становилась скорее «польско-русинским» и никак не «польско-силезским» королевством.

Что же касается социального и правового строя Силезии в XIII–XIV вв. и позднее, то он быстро эволюционировал в сторону того же типа, что и строй германских земель («в государстве Локетка не хватило места для Силезии — подчиненной Вроцлаву и быстро эволюционировавшей в сторону того строя, который был характерен для Германской империи»), в то время как в Польском королевстве со временем сложилась новая по качеству общественно-политическая общность, которая, как заключил Сл. Гавлас в результате своего фундаментального и очень тщательного исследования, «принадлежит к Западу, не была им вполне», и в этом выражалась архаичная периферийность в развитии польских земель, ставшая результатом «диффузии возникавших в тогдашних цивилизационных центрах организационно-институциональных моделей и социальных стандартов» [Gawlas 2000, 95–96].

В XVII в. княжеская Пруссия, оборвав связи с Польшей, установив прочные связи с Бранденбургом и став такой Пруссией, какой мы ее знаем в XVIII в., заявила права и на Силезию, захватив ее в 1740-е годы. Началась долгая полоса в истории Силезии как части «коренных» прусско-немецких земель. Польское движение в Силезии в XIX — первой половине XX в. не отменяло того факта, что все основные силезские земли оставались вплоть до 1945 г. органической частью «немецкого мира».

А насколько Силезия и Западное Поморье виделись как части Польши в исторической памяти приобщенных к книжности поляков?

М. Бельский писал в XVI в., что «граница славянского народа на Западе — Висла, но некоторые хотят думать, что это Одер»; а Силезию, которая могла бы вернуться к Польше, польские князья в то время пропили («*przepili*») (цит. по: [Dzieje Śląska 1955, 144]). М. Кромер во второй половине XVI в. неоднократно упоминал Силезию как утраченную часть польских земель [Kromer 1977, 8, 11, 15–16, 19–22 и по указателю]. Чешельский, польский политик XVI в., восклицал: «Как же так Габсбургам удастся без препятствий и затруднений с нашей стороны постоянно удерживать безнаказанно занятую Силезию?». Епископ Ст. Лубенский, в начале XVII в. выражал надежду, что придет время, когда или силезцы, помня от кого отделились, вернутся к своим отцам; или же у поляков найдутся поводы и возможности заняться восстановлением своих прав на Силезию. А через сто лет эти слова вспомнил краковский шляхтич Добинский, говоря, что нужно начать «справедливую войну за отвоевание Силезии». Но это как раз те исключения, которые подтверждают правило: польская шляхта и та ее часть, которая была вовлечена в политические действия, Силезией не интересовалась, хотя в дипломатической практике вопрос о польских правах на Силезию время от времени возникал [Dzieje Śląska 1955, 144–145].

После разделов Польши Западное Поморье воспринималось без колебаний как немецкая земля, и то же самое касалось большей части силезских территорий.

«Восточное измерение» границ «польского мира» в XIV–XIX вв.

Вхождение Галицкой Руси в состав Польского королевства в 1340-е годы и, еще более, распространение здесь католицизма и институтов католической церкви решающим образом способствовали вестернизации и полонизации этой части земель Руси (в будущем — Западной Украины). Этот факт давно признан, хорошо известен и очевиден [Chodyncki 1934; Trajdos 1983; On the Frontier of Latin Europe 2004]. Прекрасную картину вклада приходских школ в полонизацию будущих западноукраинских земель в XVI–XVIII вв. дал Я. Хахай [Chachaj 2003]. Однако на периферии нашей университетской, школьной и общественной исторической памяти оказывается другой факт — факт «восточных» влияний не только на развитие, например, храмовой живописи Малой Польши в XIV–XV вв. (что хорошо известно), но и факт влияния землевладельческой знати литовского и рутенского происхождения на польскую шляхту и всю политическую и правовую культуры Польского королевства. Поворот 1385–1386 гг. (Кревская уния и дальнейшее сближение Польши и Великого княжества Литовского) означал не только «вестернизацию» и «европеизацию» литовских и будущих украинских и белорусских земель через приобщение к западной и польской культуре, но и известную «ориентализацию» и политической культуры, и социальных связей, и культуры «вообще» именно Польского королевства в XV–XVI вв.

Ян Длугош считал бедой и едва ли не катастрофой приглашение на польский престол литовского князя. И дело не только в язычестве населения. Дружинный слой Великого княжества, вливавшийся, начиная с 1380-х годов, в ряды польского рыцарства, приносил в Польшу установки совершенно не-европеизированной политической, правовой, поведенческой, духовной культуры⁸. В трех первых браках у Владислава-Ягайло не было мальчиков, ле-

⁸ См. прежде всего классический труд А. Прохазки [Prochaska 1908]. См. также: [Kosman 1968]. Среди недавних синтетических обзоров истории средневековой Литвы см.: [Rowell 1994]. Не устарела и образцовая книга В.Т. Пашуто: [Пашуто 1959].

гитимность четвертого брака (с Софьей Гольшанской, представительницей именно литовской знати) вызвала сомнения. Ягайло вынужден был заискивать перед польской аристократией, и отсюда — череда привилеев, которые открыли путь к будущей «шляхетской демократии» и складыванию девиантной (по сравнению с Западной и Центральной Европой) политической системы.

Дружинный мир двоюродного брата Ягайло Витовта противостоял польскому двору; сам Витовт больше ориентировался на восток, чем на запад, и если бы не сокрушительное поражение от татар на Ворскле в 1399 г., союз двоюродных братьев мог бы не выжить, и Грюнвальд мог бы не состояться.

После 1410 г. литовское католическое рыцарство получило те же права, что и польское рыцарство. Новые члены шляхетского сословия были вписаны в польские гербы, и это сближение еще более усилило не-западное воздействие на культуры элит Польского королевства. Литва же и литовско-русские (будущие украинские и белорусские) земли долго жили своей жизнью, не став пока почти ни в каком отношении (если не считать начальную католическую христианизацию литовских язычников) частью западного цивилизационного круга [Любавский 1915; Русина 1998; Гудавичюс 2005; Дворниченко 1993; Дворниченко 2013; Шабульдо 1987]; см. также превосходный очерк И.И. Лаппо [Лаппо 1924]. Очень полезным оказывается сравнение сведений об элитах Великого княжества (включая древнерусские земли) с культурой польского рыцарства (см., например, [Piwowarczyk 1998]).

Важно не забыть, что для очень образованного и ответственного, стремящегося к максимальной достоверности Матвея Меховского, написавшего в начале XVI в. знаменитый и переведенный на многие языки краткий трактат [Меховский 1936; переиздание: Меховский 2009], Литва, Московское государство и Галицко-Волынская Русь и днепровская Украина составляют — рядом с азиатской Сарматией — мир Сарматии «европейской», а Польша, как, конечно, и сilesские и поморские земли, в этот мир не входит.

Этот тренд в сторону «ориентализации» (или «де-вестернизации»?) польских земель продолжился в XVI—XVII вв. Роль и влияние Великого княжества (особенно же литовско-русской магнатории) в политической жизни обоих государств и, соответственно, не-западное влияние на польскую политическую, правовую, идеологическую культуру возрастали. А дворянство центральной Украины как части Великого княжества Литовского, а потом (после 1569 г.) польских коронных земель очень существенно по статусу и модальностям службы монархам, по правам и правовой культуре, по отношениям с магнатами, образу жизни и общей культуре отличалось от польской шляхты и даже от уже заметно колонизированной землевладельческой прослойки Красной Руси (будущие западноукраинские земли)⁹.

Литовские статуты в редакциях 1529, 1566 и 1588 гг. заметно отличаются от кодифицированного права Центральной и Западной Европы [Владимирский-Буданов 1889—1890]¹⁰. В годы заключения Люблинской унии (1569 г.) значительная группа магнатов Великого княжества и их единомышленников из числа

⁹ Архаические черты в социальном облике шляхты центральной части Украины очень хорошо видны в замечательной книге Н.Н. Яковенко [Яковенко 1993]. Очень важна обширная рецензия Б.Н. Флора на эту книгу [Флора 1995].

¹⁰ Ср. совсем недавнюю книгу: [Васильев 2022]. Один из выводов С.В. Васильева: «Сравнительный анализ терминов Псковской Судной грамоты и I Литовского статута позволил выявить множество общих черт в правовой системе Северо-Запада Руси и Великого княжества Литовского» [Васильев 2022, 279]. Классическая работа: [Лаппо 1934—1936].

шляхты выступили против слияния с Польским королевством, и они исходили при этом из представлений, что политические институты и, вообще, культура и идентичность (как мы сказали бы теперь) Великого княжества существенно отличались от Польши [Kot 1938; Lulewicz 2002].

После Люблинской унии давление и влияние «своего Востока» на польский мир как часть западной цивилизационной зоны заметно усилилось. Магнаты именно восточных областей Речи Посполитой (кресов) начали играть главную роль в политической жизни, и во многом именно под их влиянием режим шляхетской демократии трансформировался в режим магнатской олигархии. Стоит подчеркнуть еще раз, что политическая культура элит Великого княжества – это совсем не то же самое, что политическая культура польской знати [Лаппо 1901; Лаппо 1911; Любавский, 1915]¹¹.

В еще большей степени это относится к духовенству. Православные клирики украинско-белорусских земель по статусу, культуре, образу жизни, образованию, мировоззрению кардинально отличалось от польского католического духовенства [Левицкий 1882; Левицкий 1883; Левицкий 1884; Грушевский 1910; Макарий (Булгаков) 1996]. Сошлюсь на всего лишь один пример – характерную зарисовку особенностей религиозно-обрядовых традиций православного западнорусского духовенства, которую в начале XVI в. оставил краковский каноник Ян Сакран (Ян из Освенцима). Согласно его свидетельству, в день Богоявления вместо церковной купели для крещения детей их окунают в освященные воды рек (наподобие Иордана) и если младенец умрет при погружении в холодную воду или выпадет из рук, то говорят, что он «восхищен ангелом» на небо, и что мир недостойн был его присутствия. При приготовлении причастия, взяв хлеб, разделенный надвое, извлекают из верхней части середину в виде треугольника, который и освящают в тело Христово. К этому кусочку хлеба, предназначенному для таинства, прибавляют и многие другие, и предлагают один во имя Марии, другой во имя Предтечи, третий во имя Василия, затем Льва, Ильи, и, таким образом, при использовании каждого кусочка призывают особого святого. Перед совершением таинства причастия берут теплую воду и вливают в освященную чашу, и если из чаши поднимается пар, то веруют, что в ней действительно свершилось таинство; оставшееся в чаше сохраняется, а после обеда потребляется священником. Освященный в тело Христово пшеничный хлеб дают отправляющимся на войну мирянам, которые перед сражением с неприятелем кладут тот хлеб в сосуд с жидкостью, какая подвернется под руку, и сами совершают евхаристию. Совершив погребение, все целуют могилы своих мертвецов. Если верить Сакрану, православные говорят, что пресвитеры их впадают в грех, когда убьют воробья или другую птицу, и получают прощение лишь тогда, когда будут носить убитую ими птицу за крылья, пока она совершенно не сгниет [Макарий (Булгаков) 1996, 94–95]; см. также: [Krajcar 1963].

Но дело не только в отчетливой границе между культурными идентичностями населения восточных и западных территорий Польского и Польско-Литовского государств, но и в постепенном отдалении самосознания польской шляхты (не говоря уже о польскоязычном мещанстве и крестьянах) в XVI–XVIII вв. от европейских (западных) ориентиров. Ярче всего это отчуждение выразилось в сарматизме, под которым принято понимать

¹¹ Яркую картину особенностей правовой культуры и стиля поведения шляхты западноукраинских земель создал Вл. Лозинский в ставшей классикой книге [Łoziński 1903–1904]; ряд переизданий, в том числе: Kraków, 1960.

специфическую идеологию и образ жизни, систему ценностей и жизненных установок, выросших на почве сословного самосознания шляхты и того исключительного положения, какое она занимала в Речи Посполитой. Логическим центром идеологии сарматизма стал этногенетический миф о происхождении польской шляхты от сарматов, завоевавших в незапамятные времена славянское население польских земель¹². К этому мифу присоединялся ряд других, составивших вместе впечатляющий комплекс национально-идентитарных представлений, которые нашли отражение практически во всех проявлениях польской шляхетской культуры XVII–XVIII вв. Среди мифологем шляхетского национально-сословного самосознания — миф шляхетского равенства, особой шляхетской доблести и политической ответственности, миф о жизненной важности польского шляхетского фольварка для «прокормления» Западной Европы, миф об особом историческом призвании поляков как защитников Европы от исламской опасности, миф о рыцарственности польского шляхтича и одновременно миф о шляхтиче как добродетельном земледельце [Baczewski 2009]. Эти ярко идентитарные убеждения сочетались с ксенофобией [Tazbir 1971; Tazbir 1979b; Tazbir 1986b] и акцентом на отличиях польских традиций и обычаев от западных. В начале XVII в. во время рокоша (мятежа) Зебржидовского шляхетский полемист писал, что «иностранные титулы противны польским законам и вредны шляхетскому сословию Польши и соединенных с нею земель. Такие титулы уничтожают равенство шляхетского сословия, каковое имеет первенство в Польше». Другие обрушились на одного из своих братьев, принявшего титул маркграфа и приобщенного к гербу итальянских Гонзагов: «Ты стремился к иноземным титулам, по своей амбиции пренебрегая шляхетским достоинством, и оскорбил его своими развратными желаниями, поставив итальянского пса выше десятка польских шляхтичей [...]. Получив их, ты, иноземец, стал еще больше унижать шляхетство, попирая наш народ, его старые обычаи и законы»¹³. Свою страну идеологи сарматизма частью Европы не считали [Tazbir 1986a]. И именно эта культура доминирует в шляхетской среде и в XVIII в., а в «польском мире» правобережной Украины даже в первой половине XIX в. [Tazbir 1979a; Бовуа 2011].

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале эссе двоякому вопросу, можно его обострить: соотношение идентитарных границ Польши исторической памяти, т.е. Польши воображаемой, и «реальных», *wie es eigentlich gewesen war*, идентитарных границ между «польским» и «не-польским» миром в Средние века и Новое время — это граница между «польским» и «немецким» или же граница между и «европейским» и «не-европейским»? Между «подлинной Европой» и «вторичной Европой»? Между Западом и «не-Западом»?

Сошлюсь на пример, показывающий, какой виделась эта «вторичная» Европа с Запада в эпоху Просвещения. Француз Луи-Филипп де Сегюр, посетив Польшу в 1784 г., написал: «Попав же в Польшу, начинаешь верить, что окончательно покинул Европу, и новые зрелища изумляют взор: огромная страна почти полностью покрыта хвойными деревьями, вечно зелеными и вечно

¹² О польском сарматизме написано очень много, в том числе и по-русски: [Тананаева 1979; Липатов 1993; Лескинен 2002; Mańkowski 1946; Ulewicz 1950; Cynarski 1968; Cynarski 1974; Chrzanowski 1988; Między Barokiem a Oświeceniem 1997; Słownik sarmatyzmu 2001; Bogucka 1996; Bystroń 1994; Kuchowicz 1977; Kuchowicz 1993; Bogucka 1994].

¹³ Цит. по: [Дмитриев 1997, 113]. См. в частности: [Freylichówna 1939; Smoleński 1954].

печальными, [...] нищее, порабощенное население; грязные деревни; жилища, лишь немногим отличающиеся от хижин дикарей, — все внушает мысль, что ты перенесся на десять столетий назад, к полчищам гуннов, скифов, венедов, славян и сарматов» [Вульф 2003, 56]. Англичанин У. Кокса в 1778–1779 г. Польша встретила тем, что «дороги были плохи, деревни малочисленны и в невероятном запустении, хижины все построены из дерева, на вид грязны и убоги. Все производило впечатление крайней нищеты». «Местные жители более бедны, покорны и убоги, чем остальные народы, попадавшие на нашем пути: стоило нам остановиться, они собирались толпами вокруг нас, прося милостыню при помощи самых отчаянных жестов». «Своими чертами, обычаями, платьем и внешним обликом поляки напоминают скорее азиатов, чем европейцев; предками их, несомненно, были татары» [Там же, 66, 67, 69]. Его соотечественник Д. Маршалл написал в 1772 г.: «Личная зависимость, в которой в Польше содержатся низшие классы, есть не что иное, как рабство, сродни деспотической власти, которую плантаторы в Вест-Индии имеют над своими африканскими рабами. По сравнению с ними, угнетение, которому подвергаются русские крестьяне, кажется полной свободой» [Там же, 135–136].

Такой представала Польша как часть «Восточной» Европы на ментальной карте европейского Просвещения... А как «это было на самом деле»?

Можно, конечно, даже не кривя душой, сказать, что Польша — все-таки! — *типологически* есть часть Запада (и часть Европы, если мы примем, что Запад и Европа совпадают), но тогда нужно непременно добавить: это *другой* Запад, и даже радикально другой Запад. И непреодоленная трудность останется в том, что при соотнесении с фактами, какими они «были на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen war*), перестают работать не только критерии различения Европы и не-Европы, но и критерии отличия Запада и не-Запада... Мир мелкой волынской, брацлавской и даже киевской православной шляхты (как и мир казачества) — разве это западный мир? А мир мазовецкой шляхты? А уж тем более — мир мазовецкого или волынского крестьянства, как и мир полуаграрных местечек Украины и Белоруссии, в которых едва ли не половину населения (а иногда и больше) в XVIII–XIX вв. составляли еврейские общины?¹⁴

Не правильнее ли поэтому вообще перестать искать место для исторической Польши и Речи Посполитой или среди стран Запада, или на пограничье между Западом и Востоком? И дело тут, однако, не в том, что типологически Польша — не Германия, поэтому не-Запад, поэтому не-Европа (если Европа есть Запад)... Нужны, видимо, иные критерии исторической типологизации, коли критерии «европейскости» из-за их неопределенности оказываются, как констатировалось выше (вместе с рядом историков), неадекватными и непродуктивными¹⁵.

¹⁴ Вот пример городка Быхов в Белоруссии: по переписи населения 1766 г. в Быховском кагале числилось 887 евреев. С 1784 по 1805 гг. число мешан-евреев возросло в полтора раза (с 873 до 1244). А мешан-христиан в податных книгах Быхова в 1787 г. числилось лишь 132 человека [Федорчук 2023, 279].

¹⁵ Ж.-П. Виллем утверждал, что неопределенность понятия «европейская идентичность» порождена тем, что Европа есть носитель не только очень разнообразных и часто исключающих друг друга традиций, но и тем, что Европа — носитель универсалистской линии исторического развития [Willaime 2004, 36–37]: «C'est bien la pluralité des cultures qui la constituent qui est au coeur de l'identité civilisationnelle de l'Europe... Il est impossible de définir une identité européenne que l'on opposerait à d'autres car la différence, l'altérité, est au coeur même de l'Europe et ne lui est pas seulement extérieure. C'est parce que l'Europe a quelque chose à voir avec l'universel qu'elle n'est pas réductible à une quelconque identité substantielle que l'on pourrait qualifier "d'occidentale", de "chrétienne" et que l'on pourrait brandir tel un drapeau». Однако такое суждение — не более чем честная интеллектуальная уловка, вызванная тем, что «европейская» идентичность ускользает от сколько-нибудь ясной категоризации.

Со строго исторической точки зрения (т.е. с точки зрения того, какие факторы в данном регионе и в данное время оказывали конституирующее влияние на разные стороны общественного развития) альтернативой «немецким» и «польским», западным и не-западным, европейским и не-европейским критериям идентичности (по крайней мере, в Средние века и раннее Новое время) может оказаться факт принадлежности или не-принадлежности к христианскому цивилизационному кругу, к миру *Ecclesia*¹⁶, в котором, однако, социум католических и протестантских традиций существенно отличается от социума, сформированного византийско-православными традициями культуры, тесно и органически переплетенными с социальными, политическими и общественно-экономическими институтами. Форматирующее влияние христианства на общества западнохристианской части европейского географического пространства было едва ли не тотальным уже в XIII–XIV вв.¹⁷, а в эпоху протестантской и католической конфессионализации оно стало еще более всепроникающим.

Под конфессионализацией¹⁸ в современных исследованиях понимается, во-первых, становление и развитие специфически конфессиональных дискурсов, специфически конфессиональных институтов и специфически конфессионального самосознания в протестантских и католических культурах нового времени (эти процессы описываются как первая стадия конфессионализации — *Konfessionsbildung*); во-вторых, новый симбиоз церковных и государственных инстанций, религиозной и светской политики, процессы, механизмы и институты совместного воздействия церковно-конфессиональных и государственно-конфессиональных институтов и факторов на социальную, политическую, культурную, экономическую жизнь католических и протестантских обществ Европы в раннее Новое время. Сегодня исследователи видят в поле «конфессионализации» все социальные, политические и культурные последствия и корреляты, которые имел «этот охватывающий почти все сферы жизни» (Х. Шиллинг) феномен. Согласно сложившейся исследовательской парадигме, конфессионализация, взятая во всех измерениях и связях с другими аспектами истории Запада в XVII–XVIII вв., играет едва не центральную роль в формировании цивилизационной идентичности современной Западной и Центральной Европы. Однако это было специфически католическое и специфически протестантское явление. Православная же культура того же времени, в том числе православная культура Речи Посполитой, развивалась в логике иной конфессиональной традиции, и различия между западнохристианской идентичностью польских католиков и протестантов и православной идентичностью рутенов была вполне отчетливой. Речь Посполитая оставалась страной с двумя христианскими идентичностями — «западной» и «восточной».

Соответственно, нет преувеличения в том, чтобы сказать, что христианство (в случае польского мира — западное, «латинское» христианство) было той главной силой, которая и сформировала *идентичность* соответствующих

¹⁶ См.: [Guereau 2001] и отклик на эту книгу И.В. Дубровского и П.Ю. Уварова [Дубровский, Уваров 2012, 31–32], которые констатировали: «На современном этапе можем сказать, что модель «*Dominium-Ecclesia*» как выражение сущности западноевропейского средневекового общества по умолчанию пока можно считать общепризнанной». См. также: [Феодализм: понятие и реалии 2008].

¹⁷ См., например, обобщающее и авторитетнейшее издание по истории христианства в Европе: [Histoire du christianisme 1993].

¹⁸ Книга Х. Шиллинга может послужить хорошим введением в проблематику: [Schilling 1992]. См. также: [Конфессионализация 2004].

стран и регионов. Но таким же фактом, а не мифом оказывается и то, что внутри физического пространства географической Европы, простирающейся от Урала до Атлантики, от Северного моря и Хибин до Черного моря и Кавказа «реальные» границы между «реально» существующими культурно-цивилизационными регионами — это именно *конфессионально*-культурные, а не секулярные *внерелигиозные* границы. Соответственно, границы польского мира — это границы, объединявшие его в Средние века и раннее Новое время с другими странами католической и протестантской культуры и отделявшие «польский мир» от мира восточнохристианских культур, в том числе от мира византийско-православной культуры восточнославянских земель Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой¹⁹.

Научная тема христианской идентичности как фактора, отделяющего одни общества европейского физического пространства от других, совершенно, разумеется, не нова в историографии²⁰, и эта историография уже давно установила, что вплоть до самого недавнего времени оппозиция христианства и не-христианства была несравненно более важна, чем оппозиция Европы и не-Европы, Запада и не-Запада. Характерен в этом отношении голос Новалиса на исходе XVIII в., для которого христианство и есть... Европа²¹. Но тогда историки (вслед за Новалисом) оказываются едва ли не в тупике: если Европа есть христианство, то какими бы ни были различия двух ветвей христианства, частью Европы оказываются и вся Россия, и Грузия, и Армения, и Сирия, и копты Египта²². Решение обыкновенно находят в том, что не-западное христианство квалифицируется как или «отсталое», или «примитивное», или «полуязыческое», или «обрядоверческое», или просто «неправильное» христианство. В этом отношении очень характерны суждения и формулировки замечательного венгерского историка И. Бибо, данные в 1971–1972 гг.: «На территории восточного христианства, где основные формы организации общества детерминировал *азиатский деспотизм*, выросший из сакральных царств, было осуществлено весьма *немногое из заветов христианства*, столь существенных для *правильной* организации человеческого сообщества. Областью *подлинной актуализации* этих заветов стала сохранявшаяся на территории Западной Римской империи анархия, где в то же время в скрытой форме продолжали жить великие традиции общественной организации Римской империи, которые, соединяясь с новыми импульсами христианства, положили начало новому *рациональному, гуманизирующему, морализирующему* эксперименту по организации общества» [Бибо 2004, 306] (курсив мой. — М.Д.).

¹⁹ На решающей роли протестантизма и католицизма в формировании именно идентичности Европы и ее корреляции с соответствующими демографическими структурами особенно настаивал Э. Тодд [Todd 1990].

²⁰ [Reynold 1944, 36]: «Enfin, qu'est ce que l'Europe doit au christianisme? Une âme, son existence même, et l'essence de sa civilisation. Il s'agissait de révéler l'épuisement total du monde antique, l'incapacité du monde barbare à sauver la civilisation et à faire l'Europe par ses propres moyens». «Civilisation européenne est donc synonyme de civilisation chrétienne. Le christianisme, c'est notre toit».

²¹ «Es waren schöne glänzende Zeiten, wo Europa ein christliches Land war, wo Eine Christenheit diesen menschlich gestalteten Weltteil bewohnte; Ein großes gemeinschaftliches Interesse verband die entlegenen Provinzen dieses weiten geistlichen Reichs. — Ohne große weltliche Besitztümer lenkte und vereinigte Ein Oberhaupt, die großen politischen Kräfte» [Novalis 1912, 31].

²² Ср.: [Febvre 1999]. М. Ферро пишет в предисловии к этой книге: «pour Febvre la Russie est incontestablement Europe — par la population (slaves et varègues), par la religion, par sa culture». Характерна и позиция Г. Стуржа: «Europa [...] ist mehr als der Westen. Es ist mehr als die "Latinitas", als das Abendland. Es hat auch einen Osten» (цит. по: [Ara 2004, 302]).

В итоге поиск ответа на поставленный в начале статьи вопрос приводит к выводу, что, упрощенно говоря, в истории польского мира существовали две идентитарные границы. Первой и наиболее весомой подлинной идентитарной границей была граница, делившая (с середины XIV в.) мир Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой на две части — область доминирования «латинской» культуры и область господства православной культуры. Второй по значению и весу была граница между «первичным» Западом (в чьих пределах оказались и Силезия, и Западное Поморье), представленным здесь германской, «подлинно» и «первично» европейской культурой (с XII—XIII вв.), и «вторичным» Западом, представленным институтами остальных польских земель, постепенно приобщавшихся в XIV—XVI вв. к опыту «настоящей», «первичной» Европы, но вступивших в XVII—XVIII вв. на особый, «девиантный» путь развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЮЗР — Юго-Западная Русь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / пер. С.А. Аннинского. М.; Л.: Типография им. Володарского, 1936. XI, 288 с. (переиздание: Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов / подг. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.).

Kromer M. Polska czyli o położeniu, ludności, obyczajach, urządach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego księgi dwie / Przekład St. Kozikowskiego. Wstęp i opracowanie R. Marchwińskiego. Olsztyn: Pojezierze, 1977. 224 s.

Novalis. Hymnen an die Nacht. Die Christenheit oder Europa. Leipzig: Insel, 1912. 62 S.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с немецкого М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: «Три квадрата», 2004. С. 159–262.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляха и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизованный перевод с французского М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 998 с.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.

Васильев С.В. Правовые системы Северо-Запада Руси и Великого княжества Литовского. Опыт сравнительного исследования памятников славянского права. М.: Квадрига, 2022. 317 с.

Византия после Византии? Форум // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). Январь–июнь. С. 3–35.

Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки из истории литовско-русского права. Киев: Тип. С.П. Кульженко, 1889–1890. Ч. 1–2.

Время, история, память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. 319 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 567 с.

Грушевський М.С. Сторінка з історії українсько-руського сільського духовенства (по самбірським актам XVI ст.) // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка, 34 (1910). С. 99–115.

Гудачиус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / пер. с литовского Г.И. Ефремова. М.: Фонд имени И.Д. Сытина, BALTRUS, 2005. Т. I. 680 с.

Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147–167.

- Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 239 с.
- Дворниченко А. Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // Матвей Кузьмич Любавский. К 150-летию ученого. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 97–120.
- Дмитриев М. В. Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / под ред. В. А. Ведюшкина. М.: Археографический центр, 1997. С. 192–215.
- Дубровский И. В., Уваров П. Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история. М.: Наука, 2012. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. С. 6–32.
- Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб.: Алетейя, 2004. 206 с.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 800 с.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1911. Т. 2. 834 с.
- Лаппо И. И. Западная Русь и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Исторические очерки. Прага: Пламя, 1924. 225 с.
- Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 г. Каунас: Spindulio, 1934–1936. Т. 1. Ч. 1–2. X, 473 с.; X, 592 с.
- Левицкий О. Южнорусские архиереи в XVI–XVII вв. // Киевская старина. 1882. № 1. С. 57–100.
- Левицкий О. Внутреннее состояние западнорусской церкви в польском государстве в конце XVI в. и уния // Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч. 1. Т. VI. С. 1–182.
- Левицкий О. Основные черты внутреннего строя западнорусской церкви в XVI и XVII вв. // Киевская старина. 1884. № 8–9. С. 439–478.
- Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.
- Липатов А. В. Литература в кругу шляхетской демократии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. 320 с.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная печатня, 1915. 414 с.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 333 с.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596) / под ред. Б. Н. Флори. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 560 с.
- Папуто В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 530 с.
- Рикер П. Память, история, забвение. М. Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Русина Е. В. Україна під татарами і Литвою. Київ: Альтернативи, 1998. 320 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2005. С. 170–220.
- Тананаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Федорчук Е. И. Социальная память. Воспоминания евреев Быховского района. Воспоминания жителей Быхова о еврейском населении // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции. Витебск, 27–29 апреля 2023 г. Витебск, 2023. Т. 2. С. 278–280.
- Феодализм: понятие и реалии / под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой и П. Ю. Уварова. М.: ИВИ РАН, 2008. 278 с.
- Флоря Б. Н. Рец. на книгу: Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993 // Славяноведение. 1995. № 2. С. 101–105.
- Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Фонд «Университет»; Владимир Даль, 2003. 424 с.

- Центральная Европа как исторический регион / под ред. А.И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 266 с.
- Центры и периферия европейского мироустройства / отв. ред. А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. 399 с.
- Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 181 с.
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. 2001. С. 176–198.
- Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993. 416 с.
- Ara A. Рец. на книгу: Annäherung an eine europäische Geschichtsschreibung / hrsg. von G. Stourzh. Wien: Verlag der Ost. Akademie der Wissenschaften, 2002 // Rivista storica Italiana. CXVI (2004), № 1.
- Berkhofer R.F. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. 400 p.
- Baczewski S. Szlachectwo. Studium z dziejów idei w piśmiennictwie polskim (druga połowa XVI–XVII st.) Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. 282 s.
- Bogucka M. Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku. Warszawa: PIW, 1994. 231 s.
- Bogucka M. The Lost World of the «Sarmatians». Custom as the Regulator of Polish Social Life in Early Modern Times. Warszawa: PAN, 1996. 200 p.
- Bystroń J.S. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce, wiek XVI–XVIII. Warszawa: PIW, 1994. T. 1–2. 475 s., 593 s.
- Chachaj J. Łacińskie szkolnictwo parafialne na Rusi Koronnej od XVI do XVIII wieku. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2003. 289 s.
- Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa: Drukarnia Kasy imienia Mianowskiego – Instytut popierania nauki, 1934. 632 s.
- Chrzanowski T. Wędrowki po Sarmacji europejskiej: eseje o sztuce i kulturze staropolskiej. Kraków: Znak, 1988. 378 s.
- Cynarski S. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland // Acta Poloniae Historica. Vol. 19. 1968. S. 5–17.
- Cynarski S. Sarmatyzm – ideologia i styl życia // Polska XVII w. Państwo-społeczeństwo-kultura / pod red. J. Tazbira. Warszawa: Wiedza powszechna, 1974. S. 269–295.
- Dzieje Polski / pod. red J. Topolskiego. Warszawa: PWN, 1977. 935 s.
- Dzieje Śląska / pod red. E. Małeczynskiej, K. Małeczynskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1955. 426 p.
- Febvre L. L'Europe. Genèse d'une civilisation. Cours professé au Collège de France en 1944–1945. Paris: Perrin, 1999. 425 p.
- Freylichówna J. Ideał wychowawczy szlachty polskiej w XVI i początku XVII w. Warszawa: Naukowe towarzystwo pedagogiczne, 1939. 121 s.
- Gawlas S. O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społecznoustrojowej odrębności Polski. Warszawa: DiG, 2000. 156 s.
- Gierowski J. Historia Polski. 1505–1764. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979a. 319 s.
- Gierowski J. Historia Polski. 1764–1864. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979b. 348 s.
- Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle? Paris: Seuil, 2001. 352 p.
- Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980. 182 p.
- Histoire du christianisme des origines à nos jours. Tome V. Apogée de la papauté et expansion de la chrétienté (1054–1274) / sous la dir. de A. Vauchez. Paris: Desclée, 1993. 973 p.
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej / pod red. J. Kłoczowskiego. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. T. 1. 554 s. T. 2. 353 s.
- Historia Polski / pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957. T. 1. Cz. 1. 630 s; Cz. 2. 995 s.
- Janowski M., Iordachi K., Trencsenyi B. Why bother about historical regions? Debates over Central Europe in Hungary, Poland and Romania // East Central Europe / L'Europe du Centre-Est. Vol. 32, 2005/1–2. P. 5–58.
- Jaspert N. Grenzen und Grenzräume im Mittelalter: Forschungen, Konzepte und Begriffe // Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007 (=Europa im Mittelalter, Abhandlungen und Beiträge zur historischen Komparatistik, 9). S. 43–70.
- Kieniewicz J. The Eastern Frontiers and the Civilisational Dimension of Europe // Acta Poloniae Historica. 107. Warszawa: Semper, 2013. C. 165–175.
- Kosman M. Władysław Jagiełło. Warszawa: KiW, 1968. 289 s.
- Kot St. Gniewy o unię // Studia historyczne ku czci Stanisława Kurzeby. Kraków: Drukarnia uniwersytetu Jagiełłońskiego, 1938. T. 2. S. 357–368.

- Krajcar J.* A Report on the Ruthenians and their Errors, prepared for the Fifth Lateran Council // *Orientalia Christiana periodica*. 29 (1963). P. 79–94.
- Kuchowicz Z.* Obyczaje staropolskie XVII–XVIII w. Łódź: Wydawnictwo łódzkie, 1977. 481 s.
- Kuchowicz Z.* Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI–XVIII w. Warszawa: Polonia, 1993. 284 p.
- Le Goff J.* Histoire et mémoire. Paris: Gallimard, 1988. 416 p.
- Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora.* Paris: Gallimard, 1984–1992. Vol. 1–7.
- Łoziński W.* Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku. Lwów: H. Altenberg. 1903–1904. T. 1. Czasy i ludzie. 376 s. T. 2. Wojny prywatne. 411 s. (ряд переизданий, в том числе: Kraków, 1960).
- Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Neriton; Instytut historii Polskiej akademii nauk, 2002. 457 s.
- Mańkowski T.* Genealogia sarmatyzmu. Warszawa: Towarzystwo wydawnicze “Łuk”, 1946. 169 s.
- Między Barokiem a Oświeceniem: apogeum sarmatyzmu. Kultura polska drugiej połowy XVII wieku.* Praca zbiorowa / pod red. K. Stasiewicz i St. Achremczyka. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1997. 129 s.
- On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia / ed. by Th. Wünsch and A. Janeczek.* Warszawa: Instytut of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2004. 242 p.
- Piowarczyk D.* Obyczaj rycerski w Polsce późnośredniowiecznej (XIV–XV wiek). Warszawa: DiG, 1998. 275 s.
- Pommern / hrsg. von W. Buchholz.* Berlin: Siedler, 1999 (*Deutsche Geschichte im Osten Europas / hrsg. von W. Conze*). 575 s.
- Reynold G.* de Qu’est-ce que l’Europe? La formation de l’Europe. Fribourg: Editions de la Librairie universitaire de Fribourg, 1944. 340 p.
- Rowell S. C.* Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge: Cambridge university press, 1994. 416 p.
- Prochaska A.* Król Władysław Jagiełło. Kraków: Akademia umiejętności, 1908. T. 1–2. 415 s., 432 s.
- Schilling H.* Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992. 434 p.
- Schlesien / hrsg. von N. Conrads.* Berlin: Siedler, 1993 (= *Deutsche Geschichte im Osten Europas / hrsg. von W. Conze*). 816 S.
- Słownik sarmatyzmu. Idee, pojęcia, symbole / pod. red. A. Borowskiego.* Kraków: Wydawnictwo literackie, 2001. 255 s.
- Smoleński W.* Szlachta w świetle własnych opinii wieku XVIII // *Smoleński W.* Wybór pism. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. S. 210–226.
- Szucs J.* The three Historical Regions of Europe // *Acta historica scientiarum hungaricae*. 29 (1983) 2–4. P. 131–179.
- Tazbir J.* Ksenofobia w Polsce XVI i XVII wieku // *Tazbir J.* Arianie i katolicy. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. S. 238–278.
- Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1979a.
- Tazbir J.* Między podstawą otwartą a sarmatyzmem // *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1979b. S. 137–158.
- Tazbir J.* Face à la notion de l’Europe // *Tazbir J.* La République nobiliaire et le monde. Études sur l’histoire de la culture polonaise à l’époque du baroque. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986a. P. 57–82.
- Tazbir J.* L’attitude envers l’étranger // *Tazbir J.* La République nobiliaire et le monde. Etudes sur l’histoire de la culture polonaise à l’époque du baroque. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986b. P. 157–180.
- Todorova M.* Spacing Europe: What is a Historical Region? // *East Central Europe / L’Europe du Centre-Est*, 2005 (vol. 32). № 1–2. P. 59–78.
- Todd E.* L’invention de l’Europe. Paris: Seuil, 1990. 679 p.
- Trajdos T. M.* Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386–1434). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1983. T. I. 328 s.
- Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków: Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1950. 211 s.
- Willaime J.-P.* La religion comme ressource symbolique et éthique dans une Europe sécularisée et pluraliste // *L’Europe des Religions. Eléments d’analyse des champs religieux européens / édité par R. Friedli, M. Purdie.* Bern: Peter Lang, 2004 [*Studia religiosa helvetica* 8/9]. P. 33–68
- Wyrozumski J.* Historia Polski do roku 1505. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979. 253 s.
- Zarys historii Polski / pod. red J. Tazbira.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. 860 s.

Рукопись поступила в редакцию 21.08.2023

Рукопись принята к печати 27.11.2023

REFERENCES

- Ara A. Review of: *Annäherung an eine europäische Geschichtsschreibung*, hrsg. von G. Stourzh. Wien, Verlag der Ost. Akademie der Wissenschaften, 2002, Rivista storica Italiana. CXVI (2004), no. 1.
- Assman Ya. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti*, per. s nemeckogo M.M. Sokolskoj, Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 363 p. (In Russ.)
- Baczewski S. *Szlachectwo. Studium z dziejów idei w piśmiennictwie polskim (druga połowa XVI–XVII st.)*, Lublin, Wydawnictwo UMCS Publ., 2009, 282 p.
- Berkhofer R.F. *Beyond the Great Story. History as Text and Discourse*. Harvard Univ. Press, 1995, 400 p.
- Bibo I. O bedstviyah i ubozhestve malyh vostochnoevropejskich gosudarstv. *Bibo I. O smysle evropejskogo razvitiya i drugie raboty*, Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004, pp. 159–262. (In Russ.)
- Bogucka M. *Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku*. Warszawa, PIW Publ., 1994, 231.
- Bogucka M. *The Lost World of the «Sarmatians». Custom as the Regulator of Polish Social Life in Early Modern Times*, Warszawa, PAN Publ., 1996, 200 p.
- Bovua D. *Gordiev uzul Rossijskoj imperii. Vlast, shlyaha i narod na Pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914)*, avtorizovannyj perevod s francuzskogo M. Krisan, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 998 p. (In Russ.)
- Brodel F. Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitelnost. *Filosofiya i metodologiya istorii*, pod red. I.S. Kona, Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 115–142. (In Russ.)
- Bystron J.S. *Dzieje obyczajów w dawnej Polsce, wiek XVI–XVIII*, t. 1–2, Warszawa, PIW Publ., 1994, 593 p.
- Centralnaya Evropa kak istoricheskij region, pod red. A.I. Millera, Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1996, 266 p. (In Russ.)
- Centry i periferii evropejskogo miroustrojstva, otv. redaktor A.V. Doronin, Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 399 p. (In Russ.)
- Chachaj J. *Łacińskie szkolnictwo parafialne na Rusi Koronnej od XVI do XVIII wieku*, Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL Publ., 2003, 289 p.
- Chodynicki K. *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632*, Warszawa, Drukarnia Kasy imienia Mianowskiego – Instytut popierania nauki Publ. 1934, 632 p.
- Chrzanowski T. *Wędrówki po Sarmacji europejskiej: eseje o sztuce i kulturze staropolskiej*, Kraków, Znak Publ., 1988, 378 p.
- Cynarski S. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland. *Acta Poloniae Historica*, Wrocław, 1968, vol. 19, pp. 5–17.
- Cynarski S. Sarmatyzm – ideologia i styl życia. *Polska XVII w. Państwo-społeczeństwo-kultura*, pod red. J. Tazbira, Warszawa, Wiedza powszechna Publ., 1974, pp. 269–295.
- Danilevskij I. Drevnerusskaya gosudarstvennost i «narod Rus»: vozmozhnosti i puti korrektnogo opisaniya. *Ab Imperio*, 2001, no. 3, pp. 147–167. (In Russ.)
- Dmitriev M.V. Polskaya shlyahta v XVI–XVIII vv. *Evropejskoe dvoryanstvo XVI–XVII vv.: granicy sosloviya*, pod red. V.A. Vedyushkina, Moscow, Arheograficheskij centr Publ., 1997, pp. 192–215. (In Russ.)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo Knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshiny, soslovij, gosudarstvennosti*, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1993, 239 p. (In Russ.)
- Dvornichenko A. Yu. Istoriografiya Velikogo knyazhestva Litovskogo i «Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva» M.K. Lyubavskogo. *Matvej Kuzmich Lyubavskij. K 150-letiyu uchenogo*, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2013, pp. 97–120. (In Russ.)
- Dubrovskij I.V., Uvarov P. Yu. Feodalizm v predstavlenii sovremennykh medievistov. *Vsemirnaya istoriya*, t. 2, *Srednevekovye civilizacii Zapada i Vostoka*, otv. red. P. Yu. Uvarov, Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 6–32. (In Russ.)
- Dzieje Polski, pod. red J. Topolskiego. Warszawa, PWN Publ., 1977, 935 p.
- Dzieje Śląska, pod red. E. Maleczynskiej, K. Maleczynskiego, Warszawa, Wiedza powszechna Publ., 1955, 426 p.
- Eksle O.G. Kulturnaya pamyat pod vozdejstviem istorizma. *Odissej*, 2001, pp. 176–198. (In Russ.)
- Febvre L. *L'Europe. Genèse d'une civilisation. Cours professé au Collège de France en 1944–1945*, Paris, Perrin Publ., 1999, 425 p.
- Fedorchuk E.I. Socialnaya pamyat. Vospominaniya evreev Byhovskogo rajona. Vospominaniya zhiteliej Byhova o evrejskom naselenii. *Aktualnye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Vitebsk, 27–29 aprelya 2023 g., Vitebsk, 2023, t. 2, pp. 278–280. (In Russ.)

- Feodalizm: ponyatie i realii*, pod red. A. Ya. Gurevicha, S.I. Luchickoj i P. Yu. Uvarova, Moscow, IVI RAN Publ., 2008, 278 p. (In Russ.)
- Florya B.N. Rec. na knigu: Yakovenko N.M. Ukrayinska shlyahtha z kincy XIV do seredini XVII st. (Volin i Centralna Ukrayina), Kiyiv, 1993, *Slavyanovedenie*, 1995, no. 2, pp.101–105. (In Russ.)
- Freylichówna J. *Ideał wychowawczy szlachty polskiej w XVI i początku XVII w.*, Warszawa, Naukowe towarzystwo pedagogiczne Publ., 1939, 278 p.
- Gawlas S. *O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społecznoustrojowej odrębności Polski*, Warszawa, DiG Publ., 2000.
- Gierowski J. *Historia Polski. 1505–1764*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979a, 319 p.
- Gierowski J. *Historia Polski. 1764–1864*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979b, 348 p.
- Grushevskij M.S. Storinka z istorii ukrapnsko-ruskogo silskogo duhovenstva (po sambirskim aktam XVI st.). *Zapiski Naukovogo tovaristva im. T. Shevchenka*, 34 (1910), pp. 99–115. (In Ukr.)
- Gudavichyus E. *Istoriya Litvy s drevnejshih vremen do 1569 goda*, perevod s litovskogo G.I. Efremova, Moscow, Fond imeni I.D. Sytina, BALTRUS Publ., 2005, t. 1, 680 p. (In Russ.)
- Guerreau A. *L'avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle?* Paris, Seuil Publ., 2001, 352 p.
- Halbwachs M. *The Collective Memory*, New York, Harper & Row Colophon Books Publ., 1980, 182 p.
- Hatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*, per. s angl. V. Yu. Bystrova, St. Petersburg, Fond «Universitet»; Vladimir Dal Publ., 2003, 424 p. (In Russ.)
- Histoire de la christianisme des origines à nos jours, tome V. Apogée de la papauté et expansion de la chrétienté (1054–1274)*, sous la dir. de A. Vauchez, Paris, Desclée Publ., 1993, 973 p.
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, pod red. J. Kłoczowskiego, Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej Publ., 2000, t. 1, 554 p., t. 2, 353 p.
- Historia Polski*, pod red. H. Lowmianskiego. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957, t. 1, cz. 1, 630 p., cz. 2, 995 p.
- Janowski M., Iordachi K., Trencseny B. Why bother about historical regions? Debates over Central Europe in Hungary, Poland and Romania. *East Central Europe. L'Europe du Centre-Est*, 2005/1–2, vol. 32, p. 5–58.
- Jaspert N. Grenzen und Grenzräume im Mittelalter: Forschungen, Konzepte und Begriffe. *Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa*, hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007 (Europa im Mittelalter, Abhandlungen und Beiträge zur historischen Komparatistik, 9), pp. 43–70.
- Kieniewicz J. The Eastern Frontiers and the Civilisational Dimension of Europe. *Acta Poloniae Historica*. 107, Warszawa, Semper Publ., 2013, pp. 165–175.
- Konfessionalizaciya v Zapadnoj i Vostochnoj Evrope v rannee Novoe vremya. *Doklady rusko-nemeckoj nauchnoj konferencii 14–16 noyabrya 2000 g.*, pod red. A. Yu. Prokopeva, St. Petersburg, Aletejya Publ., 2004, 206 p. (In Russ.)
- Kosman M. *Władysław Jagiełło*, Warszawa, KiW, 1968, 289 p.
- Kot St. *Gniewy o unię. Studia historyczne ku czci Stanisława Kurzeby*, Kraków, Drukarnia uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1938, t. 2, pp. 357–368.
- Krajcar J. A Report on the Ruthenians and their Errors, prepared for the Fifth Lateran Council, *Orientalia Christiana periodica*, 29 (1963), pp. 79–94.
- Kuchowicz Z. *Obyczaje staropolskie XVII–XVIII w.* Łódź: Wydawnictwo łódzkie Publ., 1977, 481 s.
- Kuchowicz Z. *Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI–XVIII w.*, Warszawa, Polonia Publ., 1993, 284 p.
- Lappo I.I. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe za vremya ot zaklyucheniya Lyublinskoy unii do smerti Stefana Batoriya (1569–1586). Opyt issledovaniya politicheskogo i obshestvennogo stroya*, St. Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova Publ., 1901, 800 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe vo vtoroj polovine XVI stoletiya. Litovsko-russkij povet i ego sejmik*, Yurev, Tip. K. Matissena Publ., 1911, t. 2, 834 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Zapadnaya Rus i eya soedinenie s Polsheyu v ih istoricheskom proshlom. Istoricheskie ocherki*, Praga, Plama Publ., 1924, 225 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Litovskij Statut 1588 g.*, Kaunas, Spindulio Publ., 1934–1936, t. 1, ch. 1–2, X, 473 p., X, 592 p. (In Russ.)
- Le Goff J. *Histoire et mémoire*, Paris, Gallimard Publ., 1988, pp. 105–177.
- Les lieux de mémoire*, sous la dir. de P. Nora, Paris, Gallimard Publ., 1984–1992, vol. 1–7.
- Leskinen M.V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacionalnoj ideologii Rechi Pospolitoj*, Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2002, 178 p. (In Russ.)
- Levickij O. Yuzhnorusskie arhierei v XVI–XVII vv. *Kievskaya starina*, 1882, no. 1, pp. 57–100.
- Levickij O. Vnutrennee sostoyanie zapadnorusskoj cerkvi v polskom gosudarstve v konce XVI v. i uniya. *Arhiv YuZR*, Kiev, 1883, ch. 1, t. VI, pp. 1–182. (In Russ.)

- Levickij O. Osnovnye cherty vnutrennego stroya zapadnorusskoj cerkvi v XVI i XVII vv., *Kievskaya starina*, 1884, no. 8–9. (In Russ.)
- Lipatov A.V. *Literatura v krugu shlyahetskoj demokratii*, Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1993, 320 p. (In Russ.)
- Lozinski W. *Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej polowie XVII wieku*. Lwow, H. Altenberg. 1903–1904, t. 1, *Czasy i ludzie*, 376 p., t. 2. *Wojny prywatne*, 411 p. (ryad pereizdaniy, v tom chisle: Krakow, 1960).
- Lulewicz H. *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588*, Warszawa, Neriton, Instytut historii Polskiej akademii nauk Publ., 2002, 457 p.
- Lyubavskij M.K. *Oчерк istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vklyuchitelno*, Moscow, Moskovskaya hudozhestvennaya pechatnya Publ., 1915. 414 p. (In Russ.)
- Макарий (Булгаков), митрополит. *Istoriya Russkoj Cerkvi. Kn. 5. Period razdeleniya Russkoj Cerkvi na dve mitropolii. Istoriya Zapadnorusskoj, ili Litovskoj, mitropolii (1458–1596)*, pod red. B.N. Flori., Moscow, Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996, 560 p. (In Russ.)
- Mańkowski T. *Genealogia sarmatyzmu*, Warszawa, Towarzystwo wydawnicze «Luk», 1946, 169 p.
- Miedzy Barokiem a Oświeceniem: apogeum sarmatyzmu. Kultura polska drugiej polowy XVII wieku. Praca zbiorowa*, pod red. K. Stasiewicz i St. Achremczyka. Olsztyn: Ośrodek Badan Naukowych im. Wojciecha Ketrzynskiego, 1997, 129 p.
- Nora P. *Mezhdru pamyaty i istoriej. Problematika mest pamyati*, Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. *Franciya-pamyat*, per. D. Hapaevoj, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
- Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. *Franciya-pamyat*, per. D. Hapaevoj, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1999, 333 p. (In Russ.)
- On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia*, ed. by Th. Wünsch and A. Janeczek, Warsaw, Instytut of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2004. 242 p.
- Pashuto V.T. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva*, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, 530 p. (In Russ.)
- Piowarczyk D. *Obyczaj rycerski w Polsce późnośredniowiecznej (XIV–XV wiek)*, Warszawa, DiG Publ., 1998, 275 p.
- Pommern*, hrsg. von W. Buchholz, Berlin, Siedler Publ., 1999, 575 p. (Deutsche Geschichte im Osten Europas, hrsg. von W. Conze).
- Prochaska A. *Władysław Jagiełło*, Krakow, Akademia umiejtnosci, 1908, t. 1–2, 415 s., 432 s.
- Reynold G. de *Qu'est-ce que l'Europe? La formation de l'Europe*, Fribourg, Editions de la Librairie universitaire de Fribourg Publ., 1944, 340 p.
- Riker P. *Pamyat, istoriya, zabvenie*, Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoj literatury Publ., 2004, 728 p. (In Russ.)
- Rowell S.C. *Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345*, Cambridge, Cambridge university press Publ., 1994, 416 p.
- Rusina E.V. *Ukrayina pid tatarami i Litvoyu*, Kiyiv, Alternativi Publ., 1998. 320 p. (In Ukr.)
- Saveleva I.M., Poletaev A.V. «Istoricheskaya pamyat»: k voprosu o granicah ponyatiya. *Fenomen proshlogo*, otv. red. I.M. Saveleva, A.V. Poletaev, Moscow, Izdatelskij dom Vyshej shkoly ekonomiki Publ., 2005, pp. 170–220. (In Russ.)
- Schilling H. *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History*, Leiden, Brill Publ., 1992. 434 p.
- Schlesien*, hrsg. von N. Conrads, Berlin, Siedler Publ., 1993, 816 p. (Deutsche Geschichte im Osten Europas, hrsg. von W. Conze).
- Shabuldo F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoj Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 181 p. (In Russ.)
- Słownik sarmatyzmu. Idee, pojęcia, symbole*, pod. red. A. Borowskiego, Kraków, Wydawnictwo literackie Publ., 2001, 255 p.
- Smoleński W. Szlachta w świetle własnych opinii wieku XVII. Smoleński W. *Wybór pism*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1954, pp. 210–226.
- Szucs J. *The three Historical Regions of Europe. Acta historica scientiarum hungaricae*, 29 (1983) 2–4, pp. 131–179.
- Tananaeva L.I. *Sarmatskij portret. Iz istorii polskogo portreta epohi barokko*, Moscow, Nauka Publ., 1979, 304 p. (In Russ.)
- Tazbir J. Ksenofobia w Polsce XVI i XVII wieku. Tazbir J. *Arianie i katolicy*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1971, pp. 238–278.

- Tazbir J. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*, Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1979a.
- Tazbir J. Między podstawą otwartą a sarmatyzmem. Tazbir J. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*, Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1979b, pp. 137–158.
- Tazbir J. Face à la notion de l'Europe. Tazbir J. *La République nobiliaire et le monde. Études sur l'histoire de la culture polonaise à l'époque du baroque*, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolinskih Publ., 1986a. P. 57–82.
- Tazbir J. L'attitude envers l'étranger. Tazbir J. *La République nobiliaire et le monde. Etudes sur l'histoire de la culture polonaise à l'époque du baroque*, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolinskih Publ., 1986b, pp. 157–180.
- Todd E. *L'invention de l'Europe*, Paris, Seuil Publ., 1990, 679 p.
- Todorova M. Spacing Europe: What is a Historical Region? *East Central Europe, L'Europe du Centre-Est*, vol. 32, 2005/1–2, pp. 59–78.
- Trajdos T. M. *Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386–1434)*, t. I, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Ossolineum, 1983, t. I, 328 p.
- Ulewicz T. *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, Studium Słowianskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1950. 211 p.
- Vasil'ev S. V. *Pravovye sistemy Severo-Zapada Rusi i Velikogo knyazhestva Litovskogo. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya pamyatnikov slavyanskogo prava*, Moscow, Kvadriga Publ., 2022, 317 p. (In Russ.)
- Vizantiya posle Vizantii? Forum. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*, 2022, no. 1 (31). Yanvar–iyun, pp. 3–35. (In Russ.)
- Vladimirkij-Budanov M. F. *Očerki iz istorii litovsko-russkogo prava*, Kiev, Tip. S. P. Kulzhenko Publ., 1889–1890, ch. 1–2. (In Russ.)
- Vremya, istoriya, pamyat: istoricheskoe soznanie v prostranstve kultury*, pod red. L. P. Repinoj. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2007, 319 p. (In Russ.)
- Vulf L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta civilizacii v soznanii epohi Prosvesheniya*, Moscow, NLO Publ., 2003, 567 p. (In Russ.)
- Willaime J.-P. La religion comme ressource symbolique et éthique dans une Europe sécularisée et pluraliste. *L'Europe des Religions. Eléments d'analyse des champs religieux européens*, édité par R. Friedli, M. Purdie. Bern, Peter Lang Publ., 2004, pp. 33–68 [=Studia religiosa helvetica 8/9].
- Wyrozumski J. *Historia Polski do roku 1505*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979, 253 p.
- Yakovenko N. M. *Ukrayinska shlyaheta z kincy XIV do seredini XVII st. (Volin i Centralna Ukrayina)*, Kiyiv, Naukova dumka Publ., 1993. 416 p. (In Ukr.)
- Zarys historii Polski*, pod. red J. Tazbira, Warszawa, PWN Publ., 1980, 860 p.

Received on 21.08.2023

Accepted on 27.11.2023

Информация об авторе:

Дмитриев Михаил Владимирович
 доктор исторических наук, профессор
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-4101-8755
 E-mail: dmitrievm300@gmail.com

Information about the author:

Mikhail V. Dmitriev
 DSc. (History), Professor
 Lomonosov Moscow State University
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-4101-8755
 E-mail: dmitrievm300@gmail.com